

Текст · 20 апреля 2022, 16:50

Джошуа Яффа,

Осада Чернигова. Репортаж New Yorker из города, который больше месяца выдерживал блокаду и обстрелы

В середине марта бульдозеры рыли траншеи на пустыре у края кладбища Яловщина в Чернигове. К этому времени город на севере Украины по сути уже две недели находился в блокаде: большая часть домов осталась без электричества, отопления и воды. На дорогах и мостах, ведущих в Чернигов, шли ожесточенные бои, а часть уже была разрушена. Все это время российские войска осыпали город ракетными и бомбовыми ударами, превращая осажденный Чернигов в смертельную ловушку. Каждый день погибали до 50 человек — кто-то в очереди за продуктами, кто-то в собственной квартире.

Где их хоронить? Главное кладбище на севере города было постоянно под обстрелами. Чернигов отрезали от снабжения, заводы и мастерские закрылись, так что невозможно было производить достаточно гробов, и тела убитых скапливались в морге. Наконец, было найдено решение: в редких перерывах между обстрелами городские рабочие собирали по дюжине тел за раз, укладывали их в сколоченные из обрезков гробы и опускали в землю на грязном кладбищенском пустыре в Яловщине.

29 марта Россия заявила, что намерена «кардинально, в разы сократить военную активность» в районе. Это стало частью общей перегруппировки сил — российские войска так и не смогли взять ни Киев (150 километров по трассе на юг), ни другие крупные города региона, включая Чернигов. Неделю спустя отступление закончилось. Жители города — до войны их было 280 тысяч — начали выходить из своих подвалов и муниципальных бомбоубежищ. Дали электричество, из кранов снова потекла вода. Осада длилась 39 дней и, по данным мэра Чернигова, унесла жизни около 700 человек, но сколько еще умерли от холода, отсутствия медицинской помощи и нехватки еды и лекарств — неизвестно. Люди постепенно начинали осмыслять потери, искать погибших и их могилы.

В первых числах апреля с утра я ходил среди бесконечных рядов небольших земляных холмиков, на каждом — простая табличка с именем и примерной датой смерти. На краю пустыря, где начинается лес, я увидел троих мужчин, которые стояли у могилы Евгения Блохина. Как было указано на торчащей из земли металлической табличке, он родился 13 сентября 1986 года и был убит 17 марта 2022-го в возрасте 35 лет.

«Он был нашим другом. Сплачивал наш коллектив. Был душой нашей компании», — рассказал мне мужчина, представившийся Дмитрием. По его словам, Блохин был владельцем автосервиса и отцом двоих детей. Он был очень спортивный, мог отжаться 20 раз на одной руке. Другой друг, Игорь, объяснил, что произошло: в полдвенадцатого вечера начались

взрывы, Блохин был дома с семьей — в том числе, с родителями и братом. Он прыгнул, чтобы прикрыть своим телом шестилетнего сына. «Ему в спину влетело. Через окно. Наверное, кассета попала. Крыша взорвалась». Из-за продолжающихся обстрелов скорая ехала почти час. Когда Блохина привезли в больницу, он был уже мертв. На его сыне не было ни царапины.

Друзья Блохина бродили по кладбищу и искали его могилу по дате смерти. Когда они нашли ее, то воткнули в землю палку с желтой ленточкой, чтобы не потерять снова. В качестве последнего подношения они налили в пластиковый стаканчик коньяка («Женя был любитель элитных напитков: виски, ром. Но сейчас не до этого. Что нашли, то и налили», — сказал мне Дмитрий) и поставили его на сырую землю, рядом положили две конфеты и кусок хлеба. Похорон не было, пришлось довольствоваться этим.

Рядом, у такого же холмика, стоял мужчина лет шестидесяти по имени Александр — здесь была похоронена его жена Людмила. Он рассказал, как они разлучились: в поисках воды Александр пошел в монастырь XI века — там был колодец, остававшийся одним из немногих надежных источников в городе; Людмила пошла искать еду. Когда он вернулся домой, ее все еще не было. Телефоны не работали, так что Александр отправился к магазину — он знал, что Людмила любила сидеть снаружи на лавочке, это было одно из немногих мест в городе, где можно было поймать мобильный интернет.

Площадь была разбомблена: повсюду валялись осколки, бегали военные и врачи. К Александру подошел офицер и достал телефон. «Показывает. Фотография, она лежит, — рассказал мне Александр. — В своем пальто, капюшон одет на голову. Скрылась она так».

Александр опознал Людмилу в морге, несколько дней спустя ее тело предали земле на месте массового захоронения. Теперь, когда осаду с города сняли, власти предложили ему перезахоронить жену. «Но какой смысл?» — сказал Александр. Он обвел взглядом кладбище: «Такое прекрасное место. Вот он город. Вот она березовая роща. Она у меня и русская. Березки любит».

Российский танк возле Чернигова. Фото: Evgeniy Maloletka / AP

От Чернигова до границы Беларуси — 60 километров или, как выяснил в конце февраля мэр города Владислав Атрошенко, полтора часа на танке. В

утро российского вторжения, 24 февраля, сотни этих машин, а также БТРы и системы залпового огня двинулись через границу. На следующий день город оказался в окружении. «Подразделениями вооруженных сил Российской Федерации завершено блокирование города Чернигов», — заявил начальник пресс-службы российского министерства обороны. Началась осада.

Спортивного сложения, мужественный и энергичный, 43-летний Атрошенко встретил меня в своей временной штаб-квартире, местонахождение которой он предпочитает не разглашать. По сути, он был в бегах и под неусыпным надзором вооруженной охраны с начала марта, когда российская ракета «Искандер» ударила по зданию черниговской мэрии через 10 минут после того, как он туда зашел, и побила все окна в его кабинете на третьем этаже — Атрошенко уверен, что его выследили по сигналу сотового телефона.

«Первые два-три дня, когда были авиационные бомбардировки, бомбы пытались сбрасывать хотя бы в район казарм, в район военных объектов, — рассказал мне Атрошенко. — А потом, когда русские увидели, что мы защищаемся, что город никто не собирается сдавать, они начали издеваться над населением». Бомбы, ракеты, артиллерийские удары — казалось, российские войска действуют без всякой системы. Они ударили по отелю «Украина» в центре города. А еще по историческому, с колоннадой зданию кинотеатра. Городской стадион лежал в руинах. С ужасающим постоянством удары наносились по жилым домам.

«Началась война с населением, на уничтожение населения, а не война с армией», — сказал мне Атрошенко. Еды стало не хватать, даже буханка хлеба превратилась в деликатес. Там, где еще оставалось продовольствие, выстраивались очереди, но под постоянными обстрелами задерживаться на улице было опасно. «Город был оторван от жизни», — говорит Атрошенко. Волонтеры не боялись развозить еду и лекарства — и за время осады несколько погибли. Но всех волонтерских усилий не хватало, чтобы прокормить такой большой город, как Чернигов.

Десятки тысяч человек уехали — в том числе врачи, муниципальные работники, местные депутаты, — и управлять городом из-за этого стало гораздо сложнее. «Были случаи, когда работник критической инфраструктуры отработал смену, сказал всем людям: "До завтра!", — а завтра он не отвечал на телефон и на работу не вышел», — рассказал мне Атрошенко. Сам он отъезд не рассматривал: «Я сознательно должен был принять решение бороться, защищать город и, если надо, умереть».

3 марта российский самолет сбросил восемь бомб на несколько жилых домов в центре города, на улице Вячеслава Черновола. У аптеки неподалеку как раз выстроилась очередь. Дефицит лекарств привел к тому, что едва заслышав об открытой аптеке, десятки человек сразу бросались туда со всех ног. От тех, кто стоял снаружи, осталась только грудa плоти, конечностей и пепла. В жилых домах бетонные стены разнесло в крошку. Стекла вылетели из окон, ранили находившихся в квартирах и рассыпались в пыль. Целые этажи рушились, погребая под собой людей.

Погибли 47 человек, и это был один из самых кровавых единовременных ударов за все время войны.

Серым промозглым утром я приехал на место удара. Там, где раньше была аптека, стояла выгоревшая кирпичная коробка. В одном из зданий, на которое пришлось прямое попадание бомбы, целиком упала одна из стен, и квартиры стояли открытые, как в кукольном домике. Я прошел мимо остовов полудюжины обугленных машин во двор и увидел гигантскую воронку, метра три в ширину и два в глубину — как будто кто-то взял огромную ложку для мороженого и зачерпнул землю. Международная группа следователей, в том числе из Amnesty International, заключила, что российские ВВС использовали ФАБ-500 — 500-килограммовые неуправляемые фугасные бомбы советского производства.

Из подъезда вышла женщина, которая представилась Наташей. Она была дома, когда раздались взрывы. Ударная волна отбросила ее спиной вперед на кухню, кругом все было в осколках стекла. Квартира была еще пригодна для жизни, хотя в ней уже не было окон и дверей. Наташа считает, что в доме остаются примерно треть жителей. Света и тепла у них нет. «Но не очень понятно, кто уехал, а кто погиб», — сказала она мне. Другой житель дома по имени Василий рассказал, что он был на улице, рядом с аптекой, когда упали бомбы. Он упал на землю, лицом вниз, со всех сторон вокруг него лежали тела других людей. Когда он вбежал в свою квартиру на седьмом этаже, то увидел, что его жена жива. Она была в шоке, лицо в крови.

Я спустился в подвал, куда с началом войны переселились несколько жителей дома. Один из них, Юрий, рассказал мне, что 3 марта, когда упали бомбы, он был тут, внизу. «Такой взрыв был, что аж подвал подскочил», — говорит он. Когда Юрий вышел во двор, картина была ужасающая: «Начали людей доставать, которые погибли». В одном из тел он узнал своего соседа сверху. «У нас в один момент все пропало», — рассказала мне Светлана с седьмого этажа. Вместе с мужем Виталием они теперь живут в крошечной бетонной коробке размером со шкаф — там есть только обогреватель и банки с соленьями. «А нам что делать? Ни квартиры, ничего нет, — говорит Светлана. — Сидим».

Фото: Evgeniy Maloletka / AP

Осада продолжалась, число погибших росло, и многие тела попадали к Сергею Андрееву — главному патологоанатому городской больницы №2. Когда я зашел к нему в кабинет, он заполнял 801-е с

начала войны свидетельство о смерти, и это только в его больнице — а ведь есть еще центральный морг на другом конце города. Обычно Андреев регистрировал 800 смертей в год. Свидетельство, которое он выписывал, было на 69-летнего мужчину, причина смерти — рак костей. Он проходил терапию, но, по словам Андреева, из-за блокады не смог пройти последний курс облучения. «В теории люди моей профессии не должны быть излишне чувствительными, но даже для меня все происходящее — очень страшно», — сказал он мне.

В самые тяжелые дни осады Андреев жил в подвале морга и перевез туда жену. Они готовили еду на костре во дворе. Электричества не было, и врачу приходилось прилагать огромные усилия, чтобы сохранить тела от разложения. Ему удалось достать дюжину дизельных фур-рефрижераторов и припарковать их снаружи, но место в них быстро кончилось.

Он говорил со мной про трупы или, скорее, про их истории. «Два мужчины за сорок, друзья, первый крестил ребенка второго. Они вместе шли по улице, упал снаряд, и раз — двоих уже нет, — рассказал Андреев. — И еще я помню семью, трое человек, родители и взрослый ребенок, которые бежали в бомбоубежище, но не успели». А самое ужасное, по его словам, это «глупая история» его знакомого охранника, который работал в клинике рядом с больницей: «Вечером он позвонил и сказал, что с утра поедет на рыбалку, а на следующий день привезли его сюда». Его излюбленное место для рыбалки, пешеходный мост, попало под обстрел.

Те, кому повезло не попасть к Андрееву, отправлялись в соседнюю больницу. В палатах я обнаружил несколько жертв еще одной печально известной атаки: 16 марта российский снаряд попал в очередь, которая выстроилась у продуктового магазина «Союз». Тогда погибли по крайней мере 10 человек. Среди убитых был Джеймс Хилл — 67-летний гражданин США, который приехал в Чернигов со своей девушкой-украинкой и не мог выбраться из-за осады. «В Чернигове все в опасности, — писал он в фейсбуке за две недели до гибели. — Беспорядочные бомбардировки... Украинские войска держат город, но окружены. Здесь настоящая осада. Никого не впускать. Никого не выпускать».

Лежа на больничной койке, Николай Носильник рассказал мне, как несколько дней ждал, пока где-нибудь появится хлеб: «В первый день его не было, во второй тоже». Он стоял в очереди уже час или два, когда над ним пронеслась волна огня и металла. «Прилетел удар, все попадали на землю, — говорит он. — Когда я пришел в себя и поднял голову, смотрю — человек восемьдесят лежат». Осколки разорвали Носильнику бок и спину, но он был жив.

В другой палате Михаил Ключ рассказал мне, что больше всего от взрыва пострадали люди, которые стояли у забора рядом с магазином: «Их сразу разорвало на куски. Крики, стоны. Тогда я и сам начал кричать: "Помогите!"» Он посмотрел вниз и увидел, что его рука висит на одном сухожилии, а все тело иссечено осколками. «И вот с 16 числа я даже не поворачиваюсь, — сказал он мне. — Так лежу».

Сама больница попала под обстрел 19 марта. Электричества уже не было, врачи оперировали с фонариками. «Начались где-то неподалеку взрывы, — рассказал Богдан Рожило, заведующий отделением травматологии. — Потом ближе, еще ближе. Потом — громко». Шквал артиллеристского огня накрыл больницу и вырвал кусок стены. Одна медсестра погибла, целое крыло здания было выведено из строя. Поскольку не было света, не работали лифты, так что спустить пациентов в подвал было невозможно. Рожило и несколько других врачей просто уложили их на пол в коридоре.

Рожило повел меня в женскую палату, где я продолжил выслушивать те же истории, что и по всей больнице. «Мы ни одного дня не лежали спокойно. Ни днем, ни ночью», — сказала Валентина Царик, которая уже месяц восстанавливается после осколочных ранений. Четыре пациентки в палате описывали, как не спали и слушали взрывы снаружи. «Дрожали окна, сыпалось стекло», — сказала Царик.

Одна из пациенток, хрупкая седая женщина, смотрела на меня с больничной койки широко открытыми глазами, но не промолвила ни слова. Когда я уже собирался уходить, она дала понять, что хочет поговорить. Она сказала, что ее зовут Нина Рогачева и ей 92 года. Ей было 11 лет, когда семья узнала, что ее отец погиб в сражении под Смоленском: «Я вспоминаю — это то же самое. Зверство, насилие и ужас».

Рогачева была ранена при ракетном обстреле на второй день нынешней войны, 25 февраля, когда

выходила из дома. «Буквально 2 шага от подъезда. И вдруг выстрел. Я упала. И все», — сказала она. С тех пор она в больнице. У нее тихий голос, почти шепот, но он наполнен гневом. Я склонился над ней, чтобы лучше слышать: «У меня отец погиб в Великую отечественную... Защищал Россию. А теперь Россия напала».

Пока россияне уходили от Чернигова, украинские власти объявили, что город сыграл героическую роль в сдерживании большого наступления на Киев. Силы России много недель были связаны осадой города, войска и тяжелая техника не могли продвигаться к столице. В начале апреля советник офиса президента Украины Алексей Арестович, посетивший Чернигов, заявил, что город спас страну от «разрезания на части». И добавил: «Мы приехали сказать Чернигову: "Спасибо"».

Самые тяжелые бои проходили на окраинах Чернигова, где российские танки и бронемашины безуспешно пытались прорваться к центру города. Я поехал в деревню Новоселовка, которая почти примыкает к Чернигову с северо-востока. Вдоль дороги стояли искореженные танки, сорванные башни валялись в грязи. Солдаты на украинском блокпосте рассказали мне, что по этому участку дороги, по сути, проходила линия фронта, здесь завязло российское наступление.

Сама Новоселовка представляла собой зрелище почти апокалиптического разрушения. Я смог вычислить, где раньше стояли дома, по грудам

деревянных балок и цемента. Везде были воронки, похожие на ту, что я видел в черниговском дворе. В деревне я встретил Юрия Чугая, молодого человека лет двадцати с лишним, который разбирал руины своего дома. Мы прошли по краю провала, который образовался после того, как в его сад упала бомба ФАБ-500. Чугай рассказал мне, что жил здесь с родителями, но им удалось уехать за несколько дней до того, как все здесь было разрушено. «Мы собираем, что можем», — сказал он. Они с отцом нашли одежду и постельное белье. Пришел сосед и принес обугленную автомобильную дверь. «Мы пытаемся копать в середину кучи, следим, чтобы она на нас не обвалилась», — объяснил Чугай.

Дальше по улице трое мужчин — Александр, Валерий и Михаил — стояли перед обугленными руинами двухэтажного многоквартирного дома. Его разбомбили за день до ухода российских войск, рассказали мне мужчины. Их соседка Наталья Кравцова готовила еду на костре для тех, кто остался тут в самые тяжелые дни осады. Вероятно, наводчик заметил дым. «Один прилет был именно на нее», — сказал Александр. Женщину буквально разорвало на части. «Тряпки от нее в солдатский ящик паковали в огороде, — Александр, крупный и сильный мужчина за пятьдесят, заплакал. — И нас пусть уже в первые дни попало. А ее — в последний день!».

Текст подготовлен при участии Тани Логачевой.

Оригинал: *"The Siege of Chernihiv" by Joshua Yaffa; [The New Yorker](#), April 15, 2022.*

Перевод: Д. Г.

